

11. Eliot T. S. *The Varieties of the Metaphysical Poetry*. San Diego; New York; London: A Harvest Book, 1996.

12. Элиот Т. С. Назначение поэзии и назначение критики // Элиот Т.С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. Перевод с английского. Киев: AirLand, 1996..

13. Schuchard R. *Eliot's Dark Angel. Intersections of Life and Art*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999.

14. Lewis C. S. *Christianity and Literature*. In *Religion and Modern Literature: Essays in Theory and Criticism*. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1975.

15. Eliot T. S. *After Strange Gods. A Primer of Modern Heresy. The Page-Barbour Lectures at the University of Virginia, 1933*. New York: Harcourt and Company, 1934.

Сергей Анатольевич КОМАРОВ —
зав. кафедрой русской литературы,
доктор филологических наук, профессор

УДК 882.09.

КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА В СКАЗКЕ П. П. ЕРШОВА «КОНЕК-ГОРБУНОК»*

АННОТАЦИЯ. В статье впервые текст Ершова прочитывается в историческом аспекте, устанавливается источник, важный для понимания замысла сказки «Конек-Горбунок».

The author tackles «The little Humpback by P. Yershov from historic and «sophic» approach, tracing the source necessary to comprehend the background of the tale.

Только в XX в. сказка Петра Ершова «Конек-Горбунок» издавалась более 200 раз. Она вошла в золотой фонд русской детской литературы, хотя писалась и на протяжении всего XIX в. мыслилась как произведение для взрослых. Напомним, что создан этот текст был 18-летним юношей, студентом Санкт-Петербургского университета, приехавшим только четыре года назад в столицу из сибирского Тобольска. Тогда, в 1834 г., этот текст был опубликован, правда, с цензурными изъятиями. Сегодня текст обычно тиражируется по четвертому изданию 1856 г., ставшему каноническим [1]. Анализ показывает: через двадцать с лишним лет Ершов не внес в свое творение радикальных изменений. Это свидетельствует о том, что концептуально замысел был полностью реализован в исходном тексте восемнадцатилетнего поэта. Закономерен вопрос: что это за замысел, каковы его параметры и источники, каков уровень притязаний автора?

Очевидно, что уровень притязаний сказочника Ершова обнаруживает внутренняя структура канонической редакции «Конька-Горбунка», в которой авторская воля была реализована, что называется, «до точки». Этого нельзя сказать с достоверностью о первом издании, которое юный Ершов просто не мог еще полностью контролировать в силу своего возраста и статуса в столице.

В канонической редакции первая часть содержит 33 строфы, вторая тоже 33 строфы, третья 38 строк, однако смерть царя и выбор Ивана в качестве государя падает именно на 33 и 34 строфы, далее следует формульный финал. Напомним, что «Божественная комедия» Данте также состоит из трех частей и количество песен в них соответственно 34, 33 и 33. В зеркально перевернутом виде это явно соотносимо с русской сказкой в 3-х частях Петра Ершова. Сказки Жуковского и

* Работа выполнена при поддержке гранта Губернатора Тюменской области за 2003 год (тема «Научный комментарий к региональному академическому изданию сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок»).

Пушкина, с которыми к 1834 году студент Ершов мог быть знаком, не имеют композиционного деления на части, тем более вынесенного в заголовок. На какую мысль данной аналогией автор может наводить читателя? На мысль соотнести сюжетное ядро текстов. У Данте Вергилий ведет героя, проводит его через событийный ряд, у Ершова таким проводником для Ивана выступает Конек-Горбунок в качестве посланца высшей силы. Если данная логика верна, то Ершов создавал и создал книгу для православных христиан (к ним повествователь все время апеллирует по ходу текста), сопоставимую по духовному статусу с вечной книгой великого итальянца, хотя и несущую иную, русскую, весть миру [2].

Деление ершовской сказки на части явно выражает три различные фазы какого-то процесса. В первой части изображается жизнь Ивана в достаточно замкнутом кругу традиционной крестьянской семьи. Семья кормится своим трудом, охраняет результаты труда и продает их согласно природно-календарному циклу. Во второй части Иван переводится автором в совсем иную среду. Это отношения хозяина и вассала. Здесь идет борьба за контроль над участком, дарованным хозяином в управление (линия Спальник — Иван); вассал полностью зависит от воли и слова хозяина под угрозой наказания и должен демонстрировать лояльность, выполняя даваемые поручения. При этом во второй части пространство среды за счет путешествий Ивана за Жар-птицей и за Царь-Девией существенно расширяется, разрывается, становится неоднородным. То есть герой выполняет пространственные действия, которые диктуются чужой волей, строго не связаны с необходимостью жизнедеятельности данной среды и собственно его обязанностями. Здесь Иван решает не собственно материальные сверхзадачи. В третьей части, путешествуя за перстнем Царь-Девией, Иван соприкасается с небесным и подводным пространствами, проходит смертельное испытание купанием в котлах с кипятком и со студеной водой. Если во второй части движение мотивировалось мстительными доносами Спальника Царю, то в третьей — требованиями Царь-Девией к Царю и желанием последнего купить ее любовь за счет выполнения этих требований.

В финале Иван женится на пятнадцатилетней Царь-Девией, которой Месяц Месяцович является матерью, а Солнце — братом (109) [3]. Напомним, что Солнце и Месяц, как только Иван похитил их родственницу, скрылись от людей «земли Землянской» и «страны Христианской», то есть нарушился божественный обычный природный порядок. И как только Иван, вернувшись к этим высоким родственникам, поведал о судьбе Царь-Девией, природный порядок восстанавливается. К тому же этот Месяц Месяцович в сказке Ершова живет в тереме, увенчанном Православным Русским крестом из звезд (121). Причем мать Месяц Месяцович не дает благословения дочери на брак с Царем:

«Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Не бывать ей за Царем!» (127).

Поэтому смерть Царя в котлах вполне можно воспринимать как предсказанное природное наказание, а выбор Ивана Девией в качестве Царя — как обручение его с природой. Напомним, что в третьей части сказки прямо проговаривается связь природного и религиозного рядов. Вот диалог Царь-Девией с Царем:

«Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?» (150);
«Вспомни, матушка-Царица,
Ведь нельзя перемениться;
Чудо Бог один творит...» (151).

В финале у Ершова подручные Царицы не безмолвствуют, а приветствуют новую государыню:

«Люба, любя — все кричат,
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаем Царя-Ивана!

Царь Девицу тут берет,
В церковь Божию ведет...» (165).

«Таланом» государыни, в логике ершовского сюжета, является ее божественная природность, которую подданные чувствуют и принимают. Третья часть сказки по сути служит развернутым событийным изображением способности Ивана общаться с Рыбой-кит, с Месяцем Месяцовичем, проходить через разные природные стихии. Это ситуация с котлами: здесь и огонь, и вода, и воздух, и выход обновленным на землю. Кроме того, можно говорить о четкой фазности реакций Ивана на события соответственно в первой, второй и третьей частях сказки. В первой части сказки этих реакций немного, все они имеют характер физически силовой, не духовно, а материально мотивированный.

Примеры:

«На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!» (17);

«Что есть силы в дверь стучится,
Так что кровля шевелится,
И кричит на весть базар,
Словно сделался пожар» (26);

«Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган» (33);

«Все пустяк для дурака!
Он садится на Конька...
Изо всех горланит сил» (38-39);

«Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает» (51);

«Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!» (72).

Сторожить вора в поле Иван отправляется только после обещания отца:

«Я нашью тебе обнов,
Дам гороху и бобов» (17).

Служить Царю он соглашается также за материальный посул:

«Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься!
Весь конюшенный завод
Царь мне даром отдает;
То есть я из огорода
Стану царский воевода» (53).

Единственное непослушание Коньку (взятие пера Жар-птицы) также является следствием аффектированной силовой материальной реакции:

«Говори ты! Как не так! —
Про себя ворчит дурак...» (41).

Таков внутренний монолог Ивана в первой части сказки.

Во второй части сказки описание предельных силовых реакций Ивана постепенно уходит, они начинают обретать духовный неаффектированный характер: «заплакал» (76, 94, 102), «обнимал и целовал» (77, 94), «потеплее приоделся» (79, 97), «и толкует сам собой, разводя своей рукой» (85), «говорит Иван со смехом» (86), «и, рыдаючи, просил, чтоб конек его простил» (103), «помнить буду, если только не забуду» (109). Кроме того, во второй части вводятся автором два развернутых внутренних монолога Ивана. Так он восхищенно-иронически про себя оценивает в первом случае прилетевших кормиться Жар-птиц (11 стихов — с. 85), а во втором случае — Царь-Деву (13 стихов — с. 101). То есть во второй части налицо резкое изменение духовного строя персонажа.

В третьей части сказки Иван уже почти на равных вступает в развернутые диалоги с Рыбой-кит, Месяцем Месяцовичем, в не формульные диалоги с Царем и Коньком. Примеры опускаем, фиксируем новую фазу в развитии духовного строя Ивана у Ершова. Теперь о названии произведения. Оно необычно для доершовской русской литературной сказки тем, что имя помощника героя обычно не выносилось в заглавие, во всяком случае, в качестве единственного и главного элемента. У Ершова Конек и внешне особый собирательный персонаж — в нем соединены внешние атрибуты коня, осла и верблюда. Он обладает всезнанием, аналогичен Ивану по рождению — третий младший сын кобылицы. То есть это духовный посланник природы, который достаточно строго может разговаривать с Иваном. После второй ошибки героя он предупреждает: «Если ж снова ты заснешь, / То меня уж не найдешь» (102). В финальных строфах он исчезает, о его судьбе читателю ничего не сообщается. Конек выполнил свою миссию как посланник природы, передал Ивана в мужья Царь-Деву, также посланнице природы.

Теперь о главном. В московском журнале «Атеней» в январе 1830 г. (напомним: это год появления Ершова в столице, с февраля 1831 г. он — студент университета) в разделе «Науки и словесность» печатается тридцатитрехстраничная статья (опять символика чисел) мало еще известного тогда Николая Ивановича Надеждина. Статья называется «Различие между Классической и Романтической Поэзией, объяснимое из их происхождения». Читатель журнала предуведомляется редакцией, что это лишь «часть полного опыта о Романтической Поэзии, который скоро будет весь издан» (с. 1) [4]. Конспективно схема развития человеческой цивилизации, излагаемая Надеждиным в этой статье, такова.

Есть «три главные точки, вокруг коих описывается вся сфера человеческой жизни»: эти «точки»: «а) состояние естественное, б) состояние гражданское и в) состояние религиозное» (с. 8). Заметим, что деление русской сказки Ершова на три части соответствует данным трем «точкам». Дух человеческий и Природа — вот два начала, которые взаимодействуют между собой, по Надеждину. Он выделяет две завершённые эпохи этого взаимодействия — классическую и романтическую, или, иначе: древнего времени и среднего мира. В классическую эпоху «каждый рой людей, соединенных между собой узами крови или дружелюбным согласием, занял особенный уголок земли, который возделывал общими силами, защищал единодушным рвением и любил со всею детскою простотою и искренностью» (с. 13). Но любовь к отечеству у древних, по Надеждину, — это «чисто материальное побуждение и не возвышалось никогда за пределы вещественной

природы» (с. 13). Их «гражданское устройство» — «военное становище», защищающее от «всякого внутреннего возмущения и внешнего насилия» (с. 15), «человек был привязан... к земле» (с. 15), «гармоничное развитие всех потребностей и сил животной жизни составляло для них идеал верховного блаженства» (с. 25). Для классической эпохи, по Надеждину, характерны соревнования, где «проворство и крепость сил физических, не совлекших еще с себя коры первобытного дикого зверства, восхищали всеобщее удивление и одобрение» (с. 31). «Беспредельное напряжение физической крепости, бесконечная полнота физической красоты: это суть границы, за которые созерцающая фантазия прелетать не смеет и не может!» (с. 32). Все эти параметры классической эпохи выдерживаются Ершовым в первой части «Конька-Горбунка» при изображении предметного, пространственного, событийного рядов, а также духовного строя Ивана.

В романтическую эпоху, по Надеждину, «человек был привязан не к земле, а к человеку» (с. 15). «Вся иерархическая лестница... опиралась на взаимной доверенности между властелинами и вассалами»; «Каждый чтит и любит своего властелина как благодетеля: и все, чем только владел он, не иначе принадлежало ему, как под именем благодеяния». «Сердце... было растрогано, пробуждено и развито: и из недр его произник новый мир чисто духовных ощущений» (с. 16). «Отсюда сие бескорыстное самоотвержение, по силе которого любящий терял как бы самого себя в своей возлюбленной, для того чтобы после обрести себя в ней снова» (с. 22-23). «Ощущения чести и любви» порождались и освещались, по Надеждину, исключительно Христианской Религией (с. 28). «Стремление водрузить знамя Креста... на отдаленных рубежах земного шара» заставляло оставлять «собственные владения, менять скипетр на посох», осуждать себя «на нескончаемое скитание и бесплодное расточение благородного мужества» (с. 30-31). Итак, Иван у Ершова в качестве вассала верой служит своему хозяину, отправляется в дальние путешествия во имя немотивированной любовной жажды Царя. Все это во второй части сказки. В дружбе с Коньком, в подчинении ему Иван совершенствует свой духовный строй.

Различие двух стадий, двух эпох (классической и романтической), преодоление «двойственности» человеческой души должно, по Надеждину, завершиться, возвестить «снова к дружественному гармоническому единству». В этом «основная задача силы творческой, которая есть не что иное, как жизнь, воспроизводящая саму себя» (с. 3). Поэтому так важно у Ершова в третьей части сказки изображение деяния христианского — прощения Рыбы-кит, в котором соучаствуют Иван и Конек, освобождение из утробы кита проглоченных кораблей с людьми, а также изображение гуманного предупреждения Коньком мужиков об опасности поворота Рыбы-кит. И, конечно, свадьба в Божьей Церкви Ивана и Царь-Девушки как перспектива духовно-физического продолжения человеческого рода неслучайно венчает сказку. Иван в качестве аллегорического воплощения прошедшего инициацию русского Духа [5] обручается с так же религиозно маркированной природой.

Подведем итог. Сказка Ершова «Конек-Горбунок» — прежде всего философско-литературный текст. Ершов оригинально, творчески переводит в план самоценной художественной реальности целостную историософскую концепцию Николая Ивановича Надеждина, что вполне под силу восемнадцатилетнему студенту философско-юридического факультета. Он создает текст, соотносимый им по духовному и художественному потенциалу с «Божественной комедией». Неслучайно параллельно с «Коньком-Горбунком» или вскоре после создания сказки у Ершова возник макрозамысел создания «сказки сказок» в 10 книгах 100 песнях [6]. Глобальность этого замысла, его связь с жанром сказки, выдвижение на первый план

героя, аллегорически представляющего русский Дух («Иван-Царевич») свидетельствуют, что в перспективе это могла быть своеобразная диалогия. Данная «сказка сказок» воплотила бы духовно-религиозные основы народной нравственности, народного опыта в том высшем синтезе, на который способен современный русский художник как носитель идеального неоклассического сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. П. П. Ершов. Конек-горбунок. Стихотворения. / Библиотека поэта. Вступ. статья И. П. Лупановой. Составление, подготовка текста и примечания Д. М. Климовой. Л., 1976.

2. Важность фольклорного начала в сказке Ершова нами не ставится под сомнение (см. об этом: Рогачева Н. А. Сюжет «Конек-горбунок» (№ 531 СУС) в сказительной традиции Западной Сибири // Региональные культурные ландшафты: история и современность. Тюмень, 2004. С. 206-211), вопрос лишь в том, как оно работает в рамках литературного текста, очевидно связанного с культурой романтизма (см. об этом: Евсеев В. Н. Романтические и театральные-площадные традиции в «Коньке-горбунке» П. П. Ершова. // Русская сказка. Ишим, 1995. С. 95-115). Начатое под нашим руководством системное исследование стиха сказки Ершова поможет прояснить целый ряд проблемных моментов собственно литературной культуры данного текста (Кушнир А. И. Рифма в литературной сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в контексте развития русского стиха XIX века. // Мат. 53-й науч. студен. конф. Тюмень, 2003. С. 34-41; Кушнир А. И. Четырехстопный хорей в творчестве П. П. Ершова. // Региональные культурные ландшафты: история и современность. Тюмень, 2004. С. 211-216).

3. Здесь и далее первая редакция сказки цитируется по изданию: П. Ершов. Конек-Горбунок. М., 1997 — с указанием страницы в скобках.

4. Н. Н. Различие между Классической и Романтической Поэзией, объясняемое из их происхождения. // Атеней. 1830. Ч. 1. Январь. С. 1-33. Здесь и далее цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках. В начале 1833 г. в «Вестнике Европы» (№ 1, 2) была опубликована статья Н. И. Надеждина «О настоящем злоупотреблении в искажении Романтической Поэзии». В ней идеи первой публикации получили развитие.

5. Аллегоризм Ершова в качестве теоретической опоры мог иметь концептуальные схемы современной ему немецкой философии. Например, Ф. Шлегель в «Философских лекциях 1804-1806 годов» исходил из «концепции нации как целостной личности»: «Понятие нация подразумевает, что все ее члены составляют единую личность» (Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 354-355).

6. Утков В. Г. Гражданин Тобольска: О жизни и творчестве П. П. Ершова, автора сказки «Конек-горбунок». Свердловск, 1979. С. 51, 118-119.

*Анатолий Борисович ШЕВНИН —
зав. кафедрой перевода и переводоведения
Уральского гуманитарного института,
кандидат филологических наук, доцент*

УДК 80

ЭРРАТОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблеме анализа ошибок на разных уровнях языковой системы, к изучению которой на Западе подошли в 1960-70-е годы. В статье акцентируется антропоцентрический подход, при котором главным действующим лицом является обучающийся. Данное направление лингвистических и психолингвистических исследований получило у нас название «эрратология».